

Анвар

ЛИБАБОВ:

Мы репетируем рядом с кочегаркой и мусорными баками

ЗНАМЕНИТЫЙ
«ЛИЦЕДЕЙ»
ПОДЕЛИЛСЯ
ТВОРЧЕСКИМИ
ПЛАНАМИ

— Анвар, а изобразите... — сразу стали его просить о чем-то из зала.

— Приходите на мои спектакли — там я показываю и это, и многое другое. Это я не кокетничаю. Но эту встречу мне хотелось провести именно как беседу, без театральные элементы, — ответил Анвар. — Вообще для меня каждый выход на сцену — это исповедь. И я должен сознаться: мне было немного тревожно, пока я готовился к этой встрече. Если бы меня ждала большая аудитория на спектакле — я бы, наверное, меньше волновался.

Но здесь книжный магазин — и здесь проходят встречи с читающими людьми.

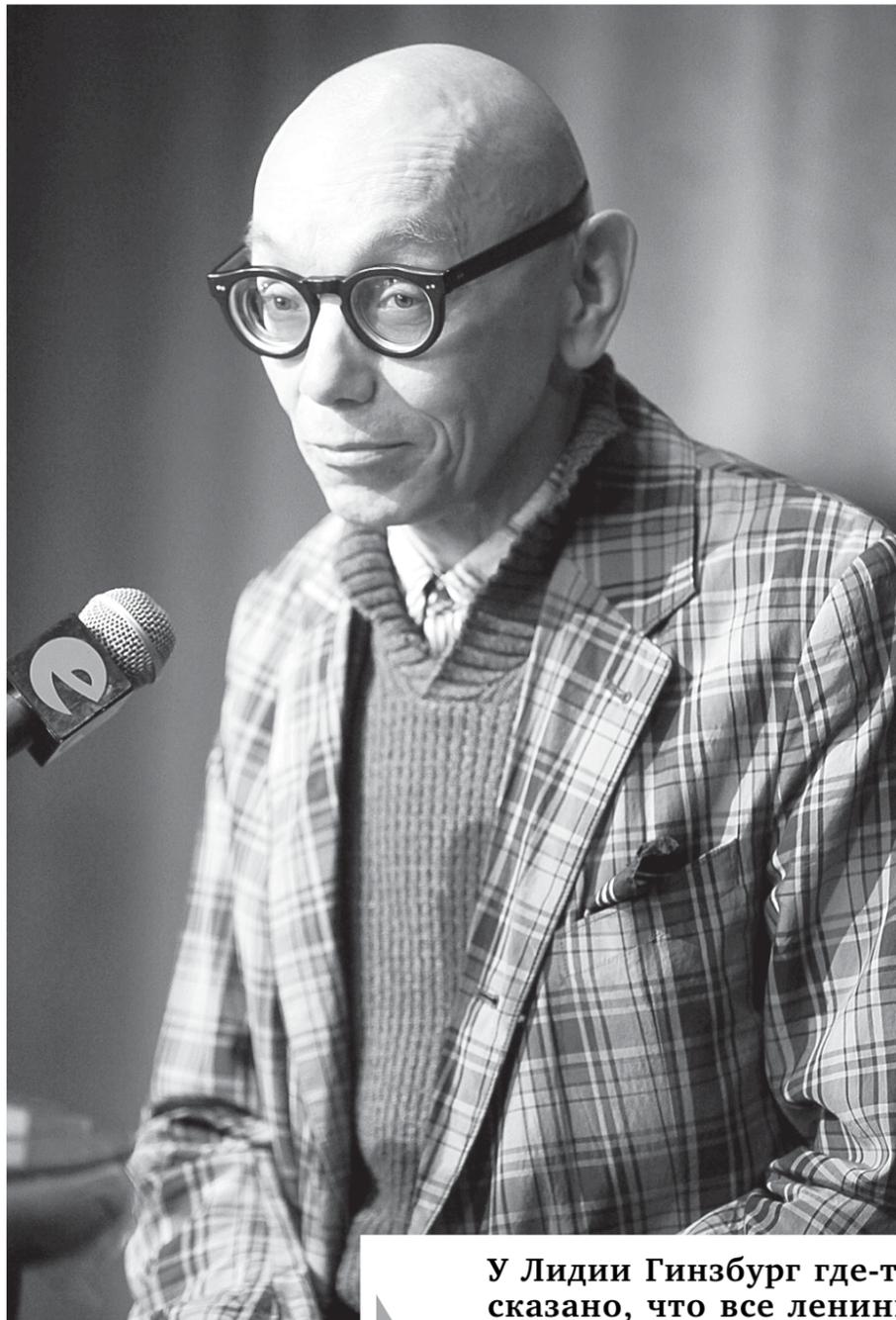
Я не самый читающий человек. Я скорее избирательно или даже хаотично читающий. Читать — это великая роскошь, на которую у меня часто, увы, нет времени. Но я люблю торчать в книжных магазинах. Иногда даже бесцельно. В лавках букинистов тоже. Наберешь иногда книжек — потом они лежат...

— Анвар, вы клоун. Это ведь непростая работа, это зашифрованная философия. Послание людям в зале, которые ждут смеха. Но в ваших выступлениях бывает и второй, и третий, и четвертый смыслы...

— Ну да, можно так сказать. Мне близко понятие «лицедей». А клоун... Сразу вспоминаю книгу «Глазами клоуна» Генриха Бёлля. Я ее недавно перечитывал. Там есть вещи, очень близкие мне. Трагедия художника. Профессиональный кризис. Трагедия мужчины, который не мог признать свою слабость и смириться. Еще одна тема, которая мне близка, — алкоголизм этого героя. Так уж сложилось, что я — клоун. И я благодарен за это судьбе. Я думаю, что в этом — высокопарные слова, конечно, — промысел Божий.

— едь вы по специальности ветеринар...

— Меня в семье готовили именно к этому. Я вырос в семье с отчасти патриархальным укладом. Родственники думали, что я буду образованный человек с уважаемой, хлебной профессией ветеринарного врача. Я закончил техникум, институт... Этим бы и занимался, если б не связался с «Лицедеями». Увидел их на пятом курсе — и влюбился. Это была любовь с первого взгляда. По пятам за ними ходил, смотрел. Упоительное было чувство, безбашенное. Когда я сказал дома, что иду в клоуны, — это, конечно, не вызвало ужас в семье. Но бабушка сказала: «Как, с обезьянками, в цирке?» И все равно уже все было решено, как только Вячеслав Иванович Полунин предложил мне стать одним из «Лицедеев». Правда, ветеринаром я даже поработал немного, в совхозе «Ручьи». Мне оттуда до сих пор пишут иногда, помнят. Я дневал на ферме, а ночевал и вечера проводил в театре. И сразу еще одну книгу назову: Джеймс Хэрриот, «О всех созданиях — больших и малых». Хэрриот — великолепный английский писатель, практиковавший ветврач. Очень увлекательно он описал работу земского врача из Йоркшира, из глубинки Англии. И знаете, у них там все очень знакомо. Такие же плохие сельские дороги, ночные

вызовы, отелы, операции... У меня было все то же самое. В феврале — марте, когда отелы, каждую вторую ночь стучат в окно. Собираешься и идешь. Деревня, февральская вьюга, скрип снега. Никакого автобуса — идешь пешком за семь километров, с чемоданчиком, с примитивными инструментами. Холодно в хлеву бывало так, что хвосты коров примерзали к стенам. До пояса раздеваешься, марганцовка, вазелин, мазь Вишневского. У меня худые длинные руки, и это очень помогало вытягивать у коровы теленка. Был момент, когда я принимал роды под Новый год. Пьяный скотник, пьяная скотница. Я тоже... И корова тоже пьяная — дали ей, чтоб снять спазм. И в Новый год мне на руки упала новая жизнь — теленок. Среди всех нас, пьяненьких, — одно чистое, безгрешное дитя Божье.

Я потом уже добавил кое-что для пущей художественности. Получилось, что и куранты били, и Гимн СССР играл. Так что

У Лидии Гинзбург где-то было сказано, что все ленинградцы любят просыпаться поздно. И, проснувшись, они понимают, что день прошел зря — ты на все опоздал. От и я тоже люблю просыпаться поздно. Иду куда попало. У меня сейчас такой период депрессионного безделья.

многое из того, что у Хэрриота, было в моей практике.

Мне друзья говорят: запиши эти истории. У меня даже и название есть — «Страдания молодого ВеРтеринара». Но я не хочу. Это, бывает, увлекательно получается — рассказывать спонтанно, когда компания подходящая. Во мне тогда просыпается рассказчик. А сделать эту искренность профессией... Не понимаю, как это так убедительно и душевно получается у Гришковца. Я не умею так.

— У вас наверняка есть и множество других историй...

— Да, и я их часто рассказываю. На-

пример, как я понял, что у меня зрение слабое. Я ведь с детства думал, что весь мир такой и есть — размытый. Мы ходили в кинотеатр — я там ничего не видел, кроме размытых красок. Дега, Моне... Уже потом, в кабинете окулиста, я понял, что мир — четко очерченный, с графикой, с линиями.

У Хэрриота как раз есть рассказ о собаке, которая ослепла. Но она очень бодро бегала по парку. Она же не понимала, что произошло. Для нее это было нормальное явление: дальше жизнь продолжается так. Никакой ущербности она не ощущала, ориентировалась по запахам. И я в детстве себя чувствовал тоже комфортно. Переживала моя мама. В первом классе мне прописали очки. Я очень расстроился. Вроде все хорошо видно. Но меня стали дразнить очкариком — таких тогда было мало. И оценка общества повлияла: я очки прятал, ходил без них.

— Раз уж мы заговорили о способности видеть — расскажите, пожалуйста, о вашем проекте «Точка зрения» в музее «Эрарта»...

— Дело в том, что каждые два-три года у меня в жизни наступает какой-то новый этап, ставится очередная веха. Новый спектакль или что-то такое. У Лидии Гинзбург где-то было сказано, что все ленинградцы любят просыпаться поздно. И, проснувшись, они понимают, что день прошел зря — ты на все опоздал. Вот и я тоже люблю просыпаться поздно. Иду куда попало. У меня сейчас такой период депрессионного безделья. Я куда-то хожу, что-то покупаю. Нет планов, потому что театр пока закрыт. Кино не снимается. Антреприза только репетируется. Бесплатное время. Друзья мне советуют: пиши, публикуй что-то, сделай моноспектакль. А я обратил внимание, что накопилось очень много моих фотографий. То ли я такой фотогеничный, то ли просто разные периоды жизни фиксировались. Самое счастлирое время с «Лицедеями», уличный театр, сцена, перформансы, фотосессии, бытовые фото... Я из них сделал некую выборку. И моя сегодняшняя Галя, Валерия Журавлева, добилась, чтобы я сделал такую выставку в «Эрарте». Некий творческий самоотчет в пятьдесят пять лет. Она открывается 14 апреля. Выставка малобюджетная, без всяких дорогих рамок — просто распечатываем фото на картонках. И устроим пару видеопроекций.

— вы сказали о том, что театр пока закрыт. А когда он откроется, известно?

— Три суда мы уже выиграли. И вроде, все в порядке. Хотели въехать в театр к 1 апреля. А получится, наверное, к 1 мая. Пока у нас идут репетиции и занятия со студентами вне театра. Мастерская — рядом во дворе. Рядом — кочегарка, мусорные баки... Мы так и называем это: «В кочегарке у помойки». Не самые лучшие санитарные условия, но есть звуковая колонка, прожектора, сцена. Все, что нужно.

Подготовил Федор ДУБШАН
Фото Натальи ЧАЙКИ